

РЕСУРС ДОВЕРИЯ КАК СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАПИТАЛИЗАЦИИ

Петелин Олег Александрович соискатель кафедры истории и обществознания, Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования (369000, Россия, г. Черкесск, ул. Фабричная, 139).
E-mail: petelinoleg@rambler.ru

Аннотация

Цель статьи – анализ теоретико-методологических оснований ресурса доверия как способа политической капитализации с учетом специфики российской политической системы. Исходя из того, что доверие как вера в рациональность, предсказуемость и настроенность на идею общего блага становится возможностью наращивания политического авторитета и политической репутации участников политического процесса, автор статьи отмечает, во-первых, что в нынешних условиях кризиса традиционных политических субъектов доверие может сохраняться на системном уровне, но порождать эффект формализации политического участия. Во-вторых, автор статьи делает вывод о том, что политическая капитализация связана со стремлением к повышению политической субъектности на основе формирования институционального доверия в контексте практик политического участия.

Ключевые слова: ресурс доверия, политическая капитализация, субъекты политики, политическая система, политический авторитаризм, политический популизм.

Политическая капитализация является актуальной проблемой теоретико-концептуального и социально-практического свойства, поскольку фиксирует качественное состояние политической системы и политических отношений, связанное со способностью политических структур и институтов быть субъектами самостоятельного политического действия в массовых настроениях общества как социальной и политической легитимации и восприниматься как залог уверенности в будущем. На эту тему написано немало работ зарубежных исследователей А. Селегмена, Ф. Фукуяма, П.М. Козыревой, П.Н. Шихарева. Характерно, что Ф. Фукуяма под доверием понимает возможность людей образовывать друг с другом определенную общность, работать вместе в одном коллективе ради достижения общей цели [1, с. 54].

Таким образом, ресурс доверия привязан к политической капитализации как механизм консолидации для достижения субъектности и, не менее важно, способности действовать предсказуемо в согласии с некоторыми общими нормами. Однако, несмотря на признание определенных теоретико-методологических свойств, ресурс доверия часто трактуется в социально-психологическом контексте как уверенность в действиях определенных лиц и определенных структур и не универсализируется как определенный ресурс политической капитализации.

Такая исследовательская ситуация стимулирует поиск доверия вне сферы политического путем восполнения доверия через привлечение различных социальных и политических технологий [2, с. 189–195]. В условиях растущей политической неопределенности ослабевает влияние политических институтов на процессы политической регуляции и саморегуляции. Об этом свидетельствует то, что часто принимается решение вне сферы традиционных политических субъектов, кулуарно или анонимными структурами, выступающими, на первый взгляд, не политическими. Очевидно, что политическая капитализация является следствием массовизации, демократизации политики, созданием среды, в которой невозможно существование герметичных элитарных сообществ.

Вместе с тем в политической капитализации ресурса доверия есть сложности в функционировании и роста, определяемые лимитностью способов политического манипулирования и политического воздействия. В массовых политических настроениях прослеживается тенденция девальвации «слов» и «действий» в политике, несмотря на ухищренность техно-

логических способов, растет уровень недоверия к политикам и политическим институтам, ослабевают вера в то, что действия политиков способствуют достижению консенсуса общества по жизненно важным вопросам и ценностям. Определяя политическую капитализацию на уровне критериев субъектности, можно говорить о том, что ресурс доверия как способность политических сообществ действовать в соответствии с собственными целями, внушать обществу уверенность в будущем в том, что воспроизводится и утрачивается стабильный политический характер, выявляет необходимость определения ресурса доверия как в теоретико-прикладном, так и в социально-конструирующем контексте.

Следует подчеркнуть, что высокая турбулентность в различных сферах общественной жизни, внедрение элементов общества риска размывает границы использования привычных политических схем и требует преодоления культурных и политических разломов для актуализации доверия как механизмов социального контроля и средства минимизации политических рисков [3, с. 17–21]. Можно говорить о том, что ресурс доверия имеет свои специфические закономерности в пространстве политического. Согласно французскому исследователю П. Бурдьё, исследование сферы политического с необходимостью должно включать рассмотрение условия доступа к политической практике и ее осуществлению. Поле политики оформляется различиями активной характеристики агентов, которая передает их агентам власть поля (способность действовать эффективно является собственно видами власти в этом поле) [4, с. 25].

Соответствующим образом, ресурс доверия можно понимать как обладание культурно-символической властью, репутацией, авторитетом, что содержит определенные преимущества по сравнению с политическими субъектами, не обладающими достаточным уровнем доверия. Кризис современных политических партий выражается в том, что утрачивается способность к социально мобилизирующему ориентирующему воздействию на настроения людей. Сокращается база традиционной поддержки, партийные функционеры воспринимаются как клан профессиональных политиков, озабоченных личными и групповыми нуждами и не нацеленных на идею всеобщего блага.

Пораженность общества партийным скептицизмом означает запрос на перестройку их деятельности, также как и других институтов политического модерна. Мысль о том, что новые общественные движения как субъекты политических, социальных и культурных перемен обладают большей степенью доверия, так как построены на принципах сетевого общения, заслуживает внимания. При этом не следует ограничиваться процедурой сопоставления. Характерно, что для общественных движений, быстро набирающих популярность, свойственно уходить в «небытие» или вступать в периоды затяжного кризиса, что мы наблюдаем на уровне движений антиглобализации и альтерглобализации. Вступившее в активное поле деятельности в конце 90-х годов XX века движение антиглобалистов внушало мысль, что перед нами качественно иной способ активности, способный радикализовать и изменить традиционную структуру и вывести массовое политическое поведение из узкоэлекторальных рамок уличной демократии.

Доверие, как пишет П. Штомпка, отождествляется прежде всего с прочностью социального порядка, с признанием доверия как ценности политики и со ставкой на будущее [5, с. 315]. Таким образом, ресурсность доверия предполагает существование в обществе среды доверия и культуры доверия. Обоснованность доверия или недоверия характеризуется переходом к системе взаимного действия и взаимного сотрудничества. Внутри самих политических структур может проявляться или не проявляться стремление к политической консолидации как возможности стать субъектами публичной, открытой политики. Политическая структура может быть привлекательна для своих членов желанием сильно идентифицироваться с ней, но при этом оставаться подверженной самоизоляции и изоляции в обществе, испытывая сложности с политической капитализацией, исключаться в качестве партнера политического участия. Другими словами, ставка на доверие не расширяет политического пространства, а напротив, ситуация может быть непрозрачной и менее контролируемой.

Как пишет В. Петухов, в таких странах Европы, как: Голландия, Дания, Финляндия, Швеция, уверенность граждан в том, что они хорошо знают, что они должны делать, чтобы оказывать влияние на власть, составляет 52–67%, в России, Эстонии, Румынии, Латвии, Словении 13–29% [6, с. 76]. Речь не идет о дотягивании до определенных среднеевропейских показателей по критериям политической компетентности. В российском полиэтничном обществе заложен высокий уровень политической неуверенности и не работают ставки на будущее [7, с. 16–20]. Политический актуализм имеет преимущество перед политической капитализацией в том, что сохраняет видимость публичного политического действия, возможности быть на виду у всех, но при этом очевидны процессы разъединения, саморазрушения, связанные с уменьшением границ внутренней стабильности политической системы.

Доверие, понимаемое как путь повышения ресурсности политических акторов, требует иных, долгосрочных, направленных на создание стартовых площадок и опорных центров поддержки и координации усилий действий. Практика политического строительства в России, возникновение различных «спойлерских» партий показывает, что мы живем в обществе доминирующего политического недоверия, поскольку привлекательность (аттрактивность) политических партий определяется конкретным лицом и часто делается под заказ. В таких условиях не существует политики повышения ставки на доверие, наоборот, есть заинтересованность в том, чтобы постоянно представлять обществу новые партийные проекты. Как пишет П. Бурдые, политическое пространство подразумевает резкий разрыв с одномерным и прямолинейным представлением о социальном мире, выражающемся в дуалистском видении, в редукции оппозиции между силами политического зла и политического добра [4, с. 81].

Разумеется, доверие, построенное на оппозиционности, популизме кажется наиболее быстрым способом наращивания репутационного доверия. Если же мы обратим внимание на политиков, действующих в рамках политического популизма (в России В. Жириновский, в Украине О. Ляшко, в Польше ушедший из жизни В. Реперт), обращает внимание на себя одно важное обстоятельство. Несмотря на привлекательность данной политической ниши, за «бет нуар» политической жизни, как правило, голосуют те, кто утратил доверие к политикам, но при этом считает свое участие в политике важным и обязательным. Поддержка популистов ограничивается электоральным участием, от них ждут серии неординарных скандальных действий, в какой-то степени электоральная поддержка популистов может означать отсутствие в массовом восприятии реальных политических альтернатив или глубокую степень неудовлетворенности деятельностью системных политиков.

Рассматривая ресурс доверия как имеющий культурно-символическое значение в политической капитализации, можно говорить о том, что исследовательская ситуация двуаспектна. С одной стороны, политическая структура требует создания представления о себе для решения задач самоидентификации и консолидации. С другой, есть нужда в ретрансляции данных представлений в обществе, включении их в сферу политической легитимации, признания обществом субъектности, действенности политических структур. В связи с этим обстоятельством необходимо установление границ минимального доверия. Вне того, чтобы политическая структура воспринималась как имеющая будущее и с ней не связывались шансы на прогнозирование и прозрачность политики, также как поддержания политической стабильности, трудно ожидать достижения степени интегрированности публичной политики.

Определение ресурса доверия как совокупности потенциальных возможностей постоянного участия в политической жизни включает понимание трех идей опеки института доверенных лиц и представительства. Ставки, формирующие доверие, определяются тем, что есть уверенность в контролируемости действийверяемых нам структур, и формированием чувства взаимной ответственности тех, кто формирует политические позиции и реализует политику, и теми, кто отдает голос на выборах. Поэтому наблюдаемый в российском обществе разрыв между видимой электоральной поддержкой и отсутствием обязательств по поводу занятия конкретной политической позиции показывает, что политиче-

ский выбор граждан является либо формальным, либо ситуативным и связан с принятием наиболее удобной формы политического участия.

Если доверие или недостаток доверия становится правилом политической жизни, политическая структура вынуждена действовать в соответствии с оказанным доверием. Другим критерием является то, что доверие связано с тем, что ресурс доверия ограничивается балансом с недоверием, действуя по схеме ситуативной рациональности. Граждане не могут безоговорочно доверять всем без исключения политическим субъектам, но при этом действует принцип системного доверия, связанного с верой в обоснованность существующего социального порядка, а в нашем случае, сложившейся политико-партийной системы. Следует, конечно, учитывать период перемен, когда происходят радикальные изменения общества или представленная политическая система является навязанной обществу. В Японии в процессе внедрения американской политической модели политические партии воспринимались, прежде всего, как клановые ассоциации, где велика степень неформальных связей и до сих пор, несмотря на укорененность политико-партийной системы на выборах побеждают фактически не партии, а группы, ассоциации политиков.

В ином смысле в Германии денацификация (ее западной части) в послевоенный период предполагала резкое изменение в политической культуре. Привитие демократических ценностей практически привело к упразднению национального сознания и выключению ресурса исторической памяти путем внушения исторической вины. Позитивную роль сыграла традиция поддержания порядка и доверие к политическим партиям измерялось уверенностью в том, что их деятельность не может содержать радикализующие установки.

По теоретико-методологическим основаниям доверие не может быть противопоставлено недоверию как здоровому политическому скептицизму, безоговорочно, доверие часто осуществляется через политическую индоктринацию, внушение непогрешимости действий политиков. Это резко снижает возможности действия социального контроля, а завоевание доверия становится соблазнительным на основе манипуляции в массовом сознании. В практическом аспекте баланс доверия/недоверия стимулирует политические структуры к самокритике, принятию действий, направленных на повышение политического авторитета и признания.

Либеральная модель демократии вызывает вопросы тем, что определяет доверие в рамках методологического индивидуализма, считая первой добродетелью политических институтов приверженность реализации прав и свобод граждан. Даже если и считать, что каждый человек выбирает общество, обеспечивающее максимальную индивидуальную свободу [8, с. 12], можно говорить о том, что ресурс доверия не может не соотноситься с идеями социальной справедливости и общего блага. Признание предопределенности либеральных добродетелей, исключают государственное вмешательство и политическое принуждение, наталкивается на то обстоятельство, что можно добиться хорошего поведения, но нельзя сделать людей нравственными, приверженными определенным морально-этическим принципам [8, с. 15], и это обстоятельство свидетельствует о том, что сфера политического не является аксиологической, что политическая капитализация имеет пределы в институциональном и системном доверии.

Таким образом, рамки политического пространства включают приверженность идее политической лояльности, разномыслие и разнодействие в рамках конституционно-правовой системы и целесообразности, использование легитимных способов достижения политических целей. Нормативный хаос, существовавший в российской политике 90-х годов XX века, приводил к существованию массы радикальных мини-партий, эффективность которых на влияние в обществе сводилось к минимальной, поскольку доминировала внутренняя конкуренция, нежели стремление выйти в публичный политический дискурс. Нормативная стабильность в нынешних условиях связана с признанием ценности порядка и с тем, что можно квалифицировать как доверие опекунского уровня: практически основным политическим игроком выступает государство, в то время как политическая капитализация

не государственных структур зависит от степени приближенности и интегрированности, наличия конструктивности во взаимодействии с государством.

Данную ситуацию нельзя охарактеризовать как политический авторитаризм, так как в условиях коллективного опыта восприятия «хаоса 90-х годов» и поддержки формулы стабильного социального порядка политическая капитализация не может возрастая до состояния конфронтационности. Можно также говорить о том, что доверие граждан как показатель их уверенности в прозрачности политики и веры в то, что политические субъекты действуют в режиме общего блага, не просто выражает процедурные ценности. Доверие является общим нейтральным основанием для создания политической ситуации, в которой возможно согласие в вопросах политической справедливости.

Следует подчеркнуть, что современное западное общество, определяемое как общество позднего политического модерна, утратило подконтрольное общественности распределение политических шансов. Возникающие сферы субполитики, сосредоточение гражданской активности в неполитическом путем использования формально-правовых ресурсов подразумевает, что институциональные рамки сдвинулись. Это выражается в том, что в условиях разочарования в политических лидерах и политических партиях, подозреваемых в коррупционности и недальновидности, доверие сохраняется на институциональном и системном уровне, но возрастает риск аксиологического недоверия, разочарования в ценностях демократии. Такой разрыв приводит к формализации, ритуализации политической жизни и инициирует всплески нелегитимного насилия.

Существование расовых, этнополитических разногласий трансформируется в форму политического институционального недоверия. Можно говорить о том, что в Европе и США сформировались группы политических абстинентов, ориентированных на использование политических свобод и социальных благ, но отвергающих идею доверия существующей политической системе. Можно также говорить о том, что политические структуры, действуя «сами по себе», производят эффект институционального недоверия политикой посибилизма. Ориентация на включение во властные структуры сводит состояние политической капитализации преимущественно к наделению ресурсами власти.

По этому поводу П. Бурдые пишет, что классы существуют в той и лишь той мере, что уполномоченное лицо может себя быть и ощущать облеченным властью, говорить от своего имени в соответствии с уравнением «партия есть рабочий класс или рабочий класс есть партия» [4, с. 91]. Политические структуры должны быть уверены в существовании своей поддержки общества и способны заставить массовое сознание верить в то, что они обладают статусом доверенных лиц. Однако, если считать, что действует синдром «целесообразности политики», склоняющий к недоверию, к тому, что недоверие в конкретных ситуациях «надежнее» доверия, стремление «навязать» обществу собственную картину видения политических проблем и соизмерить собственное самочувствие с барометром собственных политических настроений в обществе ограничивает возможности увеличения резервов доверия. В таком случае повышается дисфункциональность необоснованного доверия [5, с. 339].

Но и в той же степени ресурс доверия возрастает, если включает в себя инициативы, направленные на политическую кооперацию и избежание «плотного» контроля над участниками политического процесса по отношению к своему политическому партнеру. В понимании ресурса доверия, таким образом, необходимо различать рационально связанный с обоснованием уверенности в легитимности, прозрачности и открытости политической системы уровень и эмотивный, определяемый массовыми политическими стереотипами и предрассудками. Проблемно для состояния политической системы, если ресурс доверия к политике и политическим партиям возрастает исключительно на уровне фабрикации и манипуляции массового сознания и использования популистских установок.

Однако не стоит ожидать и того, что само по себе структурные и институциональные факторы в сфере политического ведут к росту доверия. Поэтому ресурс доверия по отношению

к политической капитализации является самодетерминирующим условием; имеется в виду, что уверенность в обоснованности политических действий, также как и вера в созидательные интенции политиков со стороны граждан являются процессом взаимного узнавания и основаны на принципе реализации взаимных обязательств.

Литература

1. Фукуяма Ф. Доверие. М., 2008.
2. Крамарова Е.Н. Корпоративная социальная ответственность: проблема взаимодействия бизнеса и государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 1. С. 189–195.
3. Абдурахманов Д.Б. Политическая турбулентность в условиях глобализации: поиски теоретического концепта // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. № 3. С. 17–21.
4. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
5. Штомпка П. Социология. М., 2007.
6. Петухов В. Демократия участия и политическая трансформация в России. М., 2007.
7. Дегтярев А.К., Черноус В.В. Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 3. С. 16–20.
8. Современный либерализм. М., 1998.

Petelin Oleg Aleksandrovich, Competitor of the Department of History and Social Science, Karachay-Cherkess Republican Institute of Professional Development of Educators (139, Fabrichnaya St., Cherkessk, 369000, Russian Federation). E-mail: petelinoleg@rambler.ru.

RESOURCE OF TRUST AS A METHOD OF POLITICAL CAPITALIZATION**Abstract**

The purpose of the article is the analysis of theoretical and methodological foundations of the resource as a means of political trust capitalization specific to the Russian political system. Based on the fact that the trust, as the belief in rationality, predictability, and the mood on the idea of the common good, it is the possibility to increase the political authority and political power of political actors, the author notes, first, that in the current crisis of traditional political actors trust can be maintained at the system level, but produce the effect of formalization of political participation. Secondly, the author concludes that the political capitalization associated with the desire to increase political subjectivity on the basis of the formation of institutional trust in the context of the practices of political participation.

Keywords: resource confidence, political capitalization, subjects of politics, the political system, political authoritarianism, political populism.

References

1. Fukujama F. Doverie. M., 2008.
2. Kramarova E.N. Korporativnaja social'nye otvetstvennost': problema vzaimodejstvija biznesa i gosudarstva // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2012. № 1. S. 189–195.
3. Abdurahmanov D.B. Politicheskaja turbulენტnost' v uslovijah globalizacii: poiski teoreticheskogo koncepta // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki. 2014. № 3. S. 17–21.
4. Burd'e P. Sociologija politiki. M., 1993.
5. Shtompka P. Sociologija. M., 2007.
6. Petuhov V. Demokratija uchastija i politicheskaja transformacija v Rossii. M., 2007.
7. Degtjarev A.K., Chernous V.V. Grazhdanskaja identichnost' v prostranstve nacionalisticheskogo diskursa // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki. 2011. № 3. S. 16–20.
8. Sovremennyy liberalizm. M., 1998.